

УДК: 811.19'367.627/37

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-280-292

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В АРМЯНО-КЫПЧАКСКОМ ПАМЯТНИКЕ «СУДЕБНИК» («ТӨРЕ БІТІГІ»)

Н.Г. Шаймердинова, Б.С. Жиёмбай

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
ул. Сатпаева, 2, г. Астана, Казахстан, 010000

В статье рассматривается класс имен числительных в армяно-кыпчакском памятнике, языковая система которого до настоящего времени не была изучена. Сопоставляя числительные памятника с числительными рунических памятников (древнетюркского языка) и современных тюркских языков, авторы статьи выявляют их семантические и формальные особенности. Анализ числительных осуществляется в контексте культурных маркеров тюркских народов, в т.ч. казахского народа.

Ключевые слова: армяно-кыпчакские памятники, кыпчакский язык, числительные, количественные, порядковые, дробные, семантика, сопоставление

Статья написана в рамках фундаментального проекта: «Кыпчаки: история, культура, язык в армянской графике», финансируемого Министерством образования Республики Казахстан. Нами исследован язык армяно-кыпчакских памятников, которых, по данным исследователей, насчитывается более сотни, и в настоящее время они находятся в архивах, музеях, хранилищах Еревана, Киева, Львова, Санкт-Петербурга, Парижа, Венеции, Варшавы и других городов. Известно, что тексты памятников написаны староармянской графикой, а языковая система текстов тюркская, в частности, кыпчакская, отсюда название памятников: «армяно-кыпчакские». Носителями армяно-кыпчакского языка были армяне, кыпчаки и многие другие народности. Армяне «эрменилер», как отмечает А.Н. Гаркавец, считали кыпчакский язык родным языком, поэтому назвали его бизим тил («наш язык»), бизим эрмени тили («наш армянский язык»), хыпчах тили («кыпчакский язык»), а так же эрмени тили («армянский язык») и татарча «по-татарски» [Ахинжанов 1999: 11].

В середине второго тысячелетия н.э. группы населения, использовавшие данный язык, жили большими колониями в Каменец-Подольском, Львове, Луцке, Могилеве-Подольском, Сучаве, Серете, Замостье, Яссах, Аккермане и др. городах Украины, Польши, Румынии, Молдовы. Территорией, откуда произошло их выселение, считается Крым (в основном из Кафы — Феодосии) и, возможно, Армения после монгольского нашествия. Эпиграфические памятники свидетельствуют также о том, что в XII—XIII вв. на территории Армении жили кыпчаки, которые приняли армяно-григорианство [Гаркавец 2002; Зуев 2004; Кумекоев 1972; Плетнева 1982]. Армяно-кыпчакские памятники исследованы в историко-культурном,

текстологическом и переводческих аспектах (А.Е. Крымский, В.А. Гордлевский, Ж. Дени, Г. Дерфер, Н.А. Баскаков, Э.В. Севортян, Я.Р. Дашкевич, Э. Трыарский, А.Н. Гаркавец, Н. Коча) [Баскаков 1975; Гаркавец 2007; Гордлевский 1960; Грамматика кыпчакского языка 2013; Еганян 1962].

Изучение языковой системы памятников не нашло должного внимания, за исключением работ Т.И. Грунина [Грунин 1967]. Поэтому наша задача заключалась в том, чтобы на базе армяно-кыпчакского памятника «Судебник» (в переводе на казахский язык «Төре бітігі») [Гаркавец 2003] изучить языковую систему кыпчакского языка, в частности, его лексический словарный фонд и морфологическую систему (корпус лексико-грамматических классов, их грамматических категорий и разрядов).

В классе имен достаточно интересным оказались имена числительные.

Класс числительных в указанных памятниках характеризуется набором грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов, таких как количественные, порядковые, дробные. Среди этих лексико-грамматических разрядов в памятнике наиболее многочисленными оказались количественные числительные.

Количественные числительные обозначают дискретность и недискретность мира и имеют свои грамматические особенности. В памятнике «Судебник» функционируют следующие количественные числительные: бир/бір (один), еки/екі (два), уч/үш (три), дөрт/төрт (четыре), бес/бес (пять), алти/алты (шесть), йети/жеті (семь) и другие.

Бір — bir (один, неопределенное множество). Числительное *bir* в армяно-кыпчакских памятниках не претерпевает каких-либо формально-семантических изменений, отличительных от его исторических форм. По мнению Г.И. Рамстедта, числительное «бір», занимающее особое место среди числительных мертвых и живых тюркских языков, имеет широкую сферу употребления, происходит от монгольского слова *бүри* (все), и это слово родственно слову «бәрі» в казахском языке. Кроме того, он обосновывает это тем, что в процессе формирования тюркских языков губная фонема [y] в середине слова редуцировалась [Рамстедт 1957: 65]. А.Н. Самойлович писал, что числительные «бір», «бес», «он» в тюркских языках происходят от слова «білек» (часть руки от кисти до локтя) [Самойлович 1927: 138]. Э.Р. Тенишев связывал историю происхождения числительного «бір» со словом *бармақ* (палец), отмечая, что это слово выражает понятие единичности, неделимости мира [Тенишев 1988: 110]. Н.А. Баскаков отмечает, что среди количественных определительных сочетаний особую группу занимают сочетания, в которых определение выражено числительным *bir* «один», среди чисел десятичной системы числительное, более всего способствовавшее образованию устойчивых языковых оборотов — это число «бір» (один).

Число «бір» в миропонимании тюркских народов, в т.ч. казахского народа, связано с религиозными представлениями, единичности Всевышнего, целостности окружающего: *Аллах один, нет бога кроме Аллаха*. Кроме того, оно считается числом, управляющим жизнью человека, числом, к которому стремится каждый смертный.

В языке армяно-кыпчакских памятников числительное «бір» употребляется также в значениях «единичности», «целостности», «равенства»:

бир болмак керек — бір болмақ керек (нельзя быть одиноким), бир авуздан — бір ауыздан (единогласно), бирикпек керек — бірікпек керек (нужно объединяться), бир йурекден — бір жүректен (от одного сердца) и т.д.

Обратимся также к иллюстрации из текстов памятников:

*Evet ki zayıp boldi sabap bu Töra bitikini yazmaga hormat zoyganından bizga der Sdep'anos gat' oyigosnin barcuя ermeniliknin, **bir** da, eki da bizdan zoltza etti, da men tahana ettim benim biliksizlikimni da kop kez tartindim bu.* — Основной причиной для написания «Төре бітігі» стало уважение, проявленное ко мне католикосом всех армян Степаносом, я много раз отказывался, ссылаясь на свое незнание, но он и один раз, и два раза побуждал меня к этому [Гаркавец 2003: 58].

Таким образом, числительное «бір» семантическом и функциональном аспектах идентично значению и употреблению подобной единицы в рунических памятниках (в древнетюркском языке) и в современных тюркских языках. Своеобразие заключается в том, что указанная единица в армяно-кыпчакских памятниках может выражать и неопределенное множество, неопределенность, неизвестность, например:

«бир кун түсер басына» — «бір күні басыңа түсер» (однажды что-нибудь может случиться).

Значение неопределенности проявляется и в следующем кыпчакском выражении:

егар тишииси қалып бир адын ер била — егер әйелі басқа бір еркекпен қалып (если его жена осталась с другим мужчиной).

Екі — екі (два). Значение числительного «екі» в исследуемых памятниках соответствует его значению в современных тюркских языках:

*Osyta **eki** türlü bardir sizda sabap: adamilik tarbiyatından da töradan, mani, ne ucyun suzlancy bolursiz ozgalarının törasına?* — В связи с этим у Вас есть два основания: соответствующее Вашей человечности и тому, что Вы торе, но почему Вы ущемляете права других? [Гаркавец 2003: 639].

Г.И. Рамстедт и вслед за ним М. Томанов считают, что семантика числительного обусловлена значением глагола «ер» в значении «еру», «ілесу», т.е. «сопровождать», «сопутствовать» [Томанов 1988: 202]. Эту точку зрения разделяет и Э.Р. Тенишев, связывая происхождение числительного «екі» с глаголом «ер», встречающегося в Орхонских рунических памятниках. Таким образом, «екі» обозначает то, что следует за первым «бір».

Вместе с тем в тюркских языках основа *ек/ег/ик* является мотивационной базой для образования новых производных слов с новым деривационным значением: «егіз» «екінті//икинди». Так, казахское «егіз» образовалось от основы *-ек* и словообразовательного форманта *-із*, восходящего к древнетюркскому «уз//ұз//із» в значении «потомство», «семья». «Егіз» в казахском языке и других языках кыпчакской группы означает «двойню», «пару предметов»: «егіз бала» — двойняшки,

«егіз кошақан» — пара ягнят. Основа *-ек/-ук* с формантом *-ин/ин* образует производное слово «екінті//икинди» в значении времени. «Екінті» — время суток, когда солнце заходит, вечереет, иначе говоря наступают сумерки. Темпорально-временное значение «екінті» сохраняется и религиозном ритуале: «екінті намазы» — второй по времени из пяти ежедневных намазов.

Үш — uc (три):

Uç tırly isy bar, ki adamilar tepranirlar dunyada: yazsyi, u yaman, da ortacyazli. — Есть три вида дел, которые связаны с характером человека в его жизни: хорошие, плохие и средние [Гаркавец 2003: 644].

Г.И. Рамстедт связывает этимологию общетюркского числительного «үш» со словами *бий-кен* (маленький, мало) в монгольском языке, *иу-ле* (делить, разделять) в тунгусском языке [Томанов 1988: 207]. Известно также, что значение тюркского числительного «үш» некоторые исследователи сводят к значениям слов «вершина», «пик».

Төрт — dört (четыре):

Egar ki 12 bolmasa, bolgay 6, egar alti bolmasa, bolsın dört. — Если не двенадцать, пусть будет шесть, если не шесть — пусть будет четыре [Гаркавец 2003: 698].

В древнетюркском языке это числительное употреблялось как «төрт», в тюркских памятниках позднего среднековья, в т.ч. и армяно-кыпчакских, в анлауте происходит чередование фонем т/д, которое сохраняется в современных тюркских языках. По мысли А.Н. Самойловича, первоосновой для общетюркское *tort/dort* стало монгольское *дц* (ср. в монгольском языке *дцгбен* — обозначает «четыре» [Самойлович 1927: 148]. По мнению Э.Р. Тенишева, с этимологической точки зрения числительное *тц:рт/дц:рт* может быть связано с четвертым пальцем и, должно быть, связано с глаголом «түрт» (ткни) [Тенишев 1988: 166].

Число «четыре», на наш взгляд, отражает миропонимание древних и средневековых тюрков, связано с их мировоззрением, с наивным представлением о географической сфере Земли в виде «четырех углов», которое является одним из ключевых пространственных понятий в Орхоно-Енисейских памятниках:

Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев (на царство), они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа. Четыре угла (т.е. народы, жившие вокруг по всем четырем странам света) все были им врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам, и принудили их всех к миру [Малов 1951: 36].

Кроме того, в мировоззрении тюркских народов также «четыре» является сакрально священным числом, о чем свидетельствуют следующие выражения: «*төрт құбыланың тең болуы, дүниенің төрт бұрышы, төрткүл дүние*». Все эти значения сохранились в языке кыпчакских памятников.

Бес — beş (пять):

Ol turlu zaytip K'risdos ovratti mane bila egri yaryucusu ucıun, ki tugal könu yaryu etmas edi, barcyu kimsa adamilardan esi kendina yaryucusudur, dzyzanina, u tenina, u beş seziklikina, da aruvluzta sazlagay kendini. — В назидательной беседе о несправедливом судье, который не рассматривает дело правдиво, Мессия сказал, что разум каждого

человека является судьей для его души, тела и пяти чувств, и каждый должен соблюдать свою чистоту [Гаркавец 2003: 643].

Считается, что числительное *бель* близко по значению слову «білек (қол)» (рука). Не случайно Г.И. Рамстедт связывает тюркское слово *бель* со чувашским *piłək~pillək* и казахским *bilek*. Подобную интерпретацию находим и у Э.Р. Тенишева: числительное «бес» близко к слову «belдк», где к основе *bel* прибавляется словообразовательный аффикс с уменьшительным значением. Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева отмечают казахское *бес* «пять» возникло из *бә:ш*, поскольку долгий *ә* в этом языке переходил в *e*, а *ш* → *с* и т.д. [Серебренников, Гаджиева 1986: 125].

Таким образом, в этом числительном исторически наблюдается фонетические чередования фонем *ә/e*, *ш/с*, которые встречаются в казахском, турецком, киргизском, чувашском и других современных тюркских языках.

Алты — alti (шесть):

Zera bu 12 tügal san haybatlandi barçya dunyaga, zera bu 2 altidan toydular, da bu 6 san dunyanın yaratılğanının künlaridir, da olcyovüdüir adaminin 6 tepranisyinin, da sanidir adamiliknin tarbiyatının. — Безусловно, число 12 — почитаемое во всем мире полное число, потому, что оно состоит из двух чисел 6, а число 6 соответствует количеству дней, за которые был создан мир, и шести движениям человека, и числу человеческих качеств [Гаркавец 2007: 533].

В современных тюркских языках это слово сохранилось в своей исторической древней форме. По всей вероятности, оно происходит от глагола «ал» и формообразующего аффикса прошедшего времени *ti/ты, di/ды* активно функционировавшего в древнетюркском языке, например в глаголах: **𐰽𐰺𐰸** *uidi* «умер», **𐰽𐰺𐰸** *igitim* «возвысил», **𐰽𐰺𐰸** *basdım* «принудил», **𐰽𐰺𐰸** *urtı* «разгромил» **𐰽𐰺𐰸** *bedizti* «вырезал» и др. [Шаймердинова, Ярыгин, Молдабай, Торебекова, Жиембаев, Толстой 2014: 160]. Поэтому тюркские числительные *алты, жети* вполне возможно образованы от глагольных аффиксов.

Жети — yeti (семь). Встречается в различных фонетических вариантах в древних, современных кыпчакских и других тюркских языках. С этимологической точки зрения Г.И. Рамстедт связывает число *je + ti* со значением глагола «же» (есть) в выражении «саусақпен жеу» («есть пальцами») [Рамстедт 1957: 64]. Употребление числа семь в кыпчакском языке раскрывает его сакральный смысл, сохранившийся с древнетюркской эпохи: в рунических памятниках в Кутлук-каган собирает для борьбы с тюркскими врагами вначале 17 воинов, затем 70, позже 700 воинов обозначает объединение всех тюркских племен.

В кыпчакской культуре, в истории становления и формирования Дешт-кыпчакского государства семерка также является значимой единицей, по легенде персоязычного Гардизи кимако-кыпчакское объединение состояло из семи племен: ими, имек, татар, баяндер, кыпчак, ланиказ, аджлад. К этому сообществу присоединяется 700 человек частью из разбитого племени татар, частью из других племен, когда они размножились, они рассеялись по горам и образовали семь племен [Ахинжанов 1999: 102].

В чем же значимость семерки в культуре тюркских народов? Известно, что в культуре и мифологии многих древних цивилизаций (древнеиндийской, древневосточной, античной и др.) значение семерки связано с лунным календарем, с четырьмя фазами луны, которые меняются через каждые семь дней. Изменения небесных тел Луны, Солнца играли важную роль в жизнедеятельности кочевых и полупоселенных тюркских народов, ибо с ними были связаны летние и зимние миграции, определение выгодных пастбищ во время кочевков, удачи во время облавной охоты, исполнение ритуальных обрядов при рожденьях и захоронениях. Поэтому лунный календарь в жизни древних тюрков, кимаков, кыпчаков, огузов был глубоко символическим, что нашло отражение в употреблении семерки как сакрального числа в письменных памятниках (рунических, армяно-кыпчакских), в устном народном творчестве и в этнокультуре тюркских народов. Например, в культуре казахского народа родовое время определяется 7-ю поколениями (молодым людям из одного рода нельзя создавать семью, если не прошло семь поколений). Поминки умершего проводятся в 7 дней (а также 40 дней и в годовщину), герои-батыры, а также сказочные герои преодолевают 7 препятствий (например, в сказке «Ер Тостік»).

Сегіз — sekiz (восемь). Г.И. Рамстедт, опираясь на схожие параллели в финно-угорских и корейском языках, пытался выявить семантическую связь между числительными «егіз» и «сегіз». По его мнению, слово «сегіз» изначально производилось как «егіз» и означало «не два пальца» [Рамстедт 1957: 69]. Известно, что эта точка зрения не нашла своих сторонников. М. Рэсенен связывал «сегіз» с словом *sak-giz* (*lass springen*) «заставь прыгать», указав, что оно имеет связь с архаической формой слова «прыгать» в детской считалке (секкер, секер, хекгер и токкор, токар, токтар) [Этимологический словарь тюркских языков 2003: 76].

На наш взгляд, значение «сегіз» следует выводить из соотношения с числительными «егіз», «тоғыз». Системность употребления аффиксов (г)із, (ғ)ыз позволяет выявить их словообразовательное значение, в частности, обозначение счетной количественности, отсюда *egiz* (две единицы), *segiz* (8 единиц), *toğыз* (9 единиц) [Шаймердинова 2014: 352].

Тоғыз — toğuz (девять). В древнетюркском языке *toğuz*. Г.И. Рамстедт считает, что древнетюркское *toğuz* соответствует монгольскому *tokug* («несгибающийся», «скрюченный», речь идет о пальце). По мнению М. Рясенена, числительное *toğuz* произошло от глагола *toku* — стучать, *tokkuz* — вели стучать [Этимологический словарь тюркских языков 2003: 77].

Вероятно, выражения «девять месяцев и девять дней вынашивать ребенка», «перекресток девяти дорог», «надеть девять слоев шелка» появились не случайно. Кочевники считали число девять вершиной бытия, в их традициях и верованиях число девять считалось священным. Если сравнить названия чисел от одного до десяти в языке памятника и современном казахском языке, а также в некоторых других тюркских языках, то можно определить общность в смысловом, семантическом плане. Различия наблюдаются на уровне фонетики: в некоторых тюркских языках звук [ш] произносится как [с], [й] — как «эй», [е] — как «э», последнее вызвано долготой переднего звука.

В армяно-кыпчакских памятниках часто встречаются и десятичные и составные количественные числительные.

Отыз — отыз (тридцать):

Borcu ucuyn otыз yilga dira teptek turgannin, ki ol borcunu tura bila izdamagan, kerak teptek turgay menilikz. — Если не подавали иска до 30 лет, не взыскивали с помощью судьи, то вечно требовать нельзя [Гаркавец 2003: 694].

Различное произношение числительных в родственных языках М. Томанов относит к явлению дивергенции, что подтверждается употреблением числительного отыз/отуз. В древнетюркском языке активно функционировала форма *отуз* (этноним «отуз-татары»), в котором имеется две лабиализованных гласных [o], [y]. В «Дивани лугат-ит турки» М. Кашгари древнетюркские числительные *йети, секиз, отуз* пишутся с двойными согласными *йетти, секкиз, оттуз*, что объясняется некоторыми тюркологами как влияние уйгурской письменности [Баскаков 1975: 107].

В современном казахском и в других тюркских языках древнетюркское губное созвучие нарушается и лабиализованная [y] во втором слоге заменяется нелабиализованным гласным «ы» (отыз).

Қырық — kirk (сорок). Число сорок в тюркском мировоззрении имеет важное значение, несмотря на то, что этимология его до сих пор не выявлена. У тюркских народов, в т.ч. и у казахского народа, число сорок связано с религиозными тотемными понятиями. Возможно, что обычаи поминать умерших через сорок дней после смерти, купать новорожденного в сорока ложках воды, выражение «сорок дней, сорок ночей», встречающиеся в культуре казахского и других тюркских народов произошли от таких понятий. Если рассматривать число сорок с грамматической стороны, нужно отметить, что между словами *қырық* и *төрт* нет взаимосвязи, слово *қырық*, вероятно, вначале обозначало неопределенное множество «много», «безмерно».

Употребление в памятниках числительных *екі* (два), *төрт* (четыре), *он* (десять), *он екі* (двенадцать), *он төрт* (четырнадцать), *жүз* (сто), *мың* (тысяча) соответствует их употреблению в современных тюркских языках.

В Орхоно-Енисейских надписях десятичные числительные образовывались по схеме единица первого десятка + он: *секиз он, тоқуз он*, которые позже сохранились в некоторых тюркских языках, например, в шорском языке *алт-он* «шестьдесят», *четт-он* «семьдесят», *сегиз-он* «восемьдесят», *тоғыз-он* «девятьдесято»; в хакасском — *алт-он* «шестьдесят», *чит-он* «семьдесят», *сигез-он* «восемьдесят», *тоғыз-он* «девятьдесято» [Серебренников, Гаджиева 1986: 126]. В то же время в древнетюркском языке десятичные числительные могли образовываться и при помощи аффиксов *-мыш*, *-миш*: *алтмыш, йетмиш*.

В Орхоно-Енисейских памятниках составные количественные числительные отличаются от составных в современных тюркских языках (*йети йегірмі — жиьрма жети, алты отуз — отыз алты*), а в кыпчакскую эпоху эти числительные изменились и стали похожи на числительные в современных тюркских языках.

В большинстве тюркских языков названия десятков от двадцати до пятидесяти не соответствуют названиям единиц от двух до пяти. Но в шорском языке

десятичные числительные образованы на основе названий единиц: жиырма/ййгон, отыз/ужон, кырык/төртон, елу/пежон; тува тілінде отыз бен тоқсанның арасында: отыз/үжен, кырык/дөртон, елу/бэжон, алпыс/алдон, жетпіс/чэдон, сексен/сэзон, тоқсан/тозон и так далее.

В языке сары уйгуров числительные от одиннадцати до двадцати девяти формируются методом приближения к следующему десятку: он үш/үч ығырма, он бір/пер йығырма, жиырма тоғыз/тоқуз отуз. Расположение единиц на первом, а десятков на втором месте является самой древней формой числительных, употреблявшейся в древнетюркских и в древнеуйгурских памятниках.

Он екі — он екі (двенадцать):

Zera bu 12 tügal san haybatlandi barçya dunyaga, zera bu 2 altidan toydular, da bu 6 san dunyanin yaratilganinin künlaridir, da olcyovüdüir adaminin 6 tepranisyinin, da sanidir adamiliknin tarbiyatının. — Безусловно, число 12 — почитаемое во всем мире полное число, потому, что оно состоит из двух чисел 6, а число 6 соответствует количеству дней, за которые был создан мир, и шести движениям человека, и числу человеческих качеств [Гаркавец 2003: 533].

Известно, что у тюркских народов число двенадцать использовалось для обозначения астрономических явлений, для летосчисления.

Порядковые числительные. В кыпчакских памятниках употребляются порядковые числительные от 1 до 124, образованные при помощи аффиксов -нчи, -инчи, -унчи, -ынчы. В памятниках древнетюркской письменности также употребляется аффикс -ынч, но в Орхоно-Енисейских надписях этот аффикс присоединяется ко всем числительным, кроме числительных «бір» и «екі». Поскольку нет каких-либо семантических различий, кроме того как выражения порядка при счете, мы сочли возможным показать лишь иллюстрацию (функционирование) этих числительных в указанном памятнике.

Бірінші — біріңсі (первый):

Burungi dzyüvap alarga münü beribiz, ki Tenri avaldan adaminin tarbiyatına töztatti tapımaga könülükni. — Во-первых, наш ответ им, Тенгри с самого начала создал людей так, что они стремятся к справедливости [Гаркавец 2003: 638].

Екінші — екіңсі (второй):

Ekinçyi, halbatta, yazşyi erkina berir adaminin barçya yazşyilizin zilinmaga, zaysin ki toztatir, ki bizim erkimizdadir, ki barçya adamilar bila könülük bila barmaga. — Во-вторых, конечно, предоставляя человеку самому решать о прощении, мы сообщаем, что в нашей воле быть справедливыми ко всем людям [Гаркавец 2003: 639].

Үшінші — үсүйңсі (третий):

Üsüinçyi. Klamadi Tenri bermaga yazgan töra, ki bolmagay prezmysyen (4v/159v)adan könülükta bolgaybiz, yozesa süvük bila, yarliyyamaz bila sazlagaybiz könülükni u yazmagan törani har zamanda. — В-третьих, Тенгри не пожелал нам быть в силе и справедливости, дать писанный закон, чтобы сохранить неписанный закон, справедливость, милосердие и любовь на все времена [Гаркавец 2003: 639].

Төртінші — dörtünçyu (четвертый):

Dörtünçyu, ki yetkinçya Tenri yopsundu Törani, u proroklarni, u Awedaranni, neçyik ki yazşyi ürlüz bolgay dzyzanimizga, da bu türlü könülük bila da etmaga yaryularni. —

В-четвертых, Тенгри посчитал, что для нас будут хорошей духовной пищей судьбы, святые и Священное Писание, чтобы суд всегда вершился справедливо [Гаркавец 2003: 639].

Бесінші — besyınçy (пятый):

Besyınçy, ki Töra, u proroklar, u Awedaran tesykirilmastir, yozesa töra prezmysyenadan tesykirilir uluslarda u millatlar arasına. — В-пятых, судьбы, святые и Священное Писание — постоянные, а вынуждающий правитель меняется посреди улусов и народов [Гаркавец 2003: 639].

Алтыншы — altınçy (шестой):

Altınçy, ki törada prezmysyenadan antka tusyar, da Biyimiz K'risiodos tiyar ant icumakni, klar, ki biz könu k'risdanlıkta (5r/160r) tirilgaybiz, ki könu könu1 bolgay, egri egri bolgay. — В-шестых, вынуждающий правитель может приносить клятвы, а наши судья Мессия запретил приносить клятвы, потому, что мы рождены в истинном христианстве, где правда — правда, ложь — ложь [Гаркавец 2003: 639].

Жетінші — zhetinçy (седьмой):

7-inçy, ki bolmamazi usyun toranin bartmagaylar ozga millatnin torasına, necyik buyurur edilar markarezlar, ki yoz m[i] dir Tenri (7r/162r) Israjelz arasına, ki bolvanlarga barirlar, zaysin ki arzak' ellar da ani tabalap aytirlar, ki tiymastir k'risdanlarga ozga millatnin alnına yaryuga bartaga. — В-седьмых, чтобы, ссылаясь на отсутствие судьбы, не обращались к судьям других народов, пророк заведет так: разве не было Бога среди Ираила, и святые злорадствуют, почему они поклоняются идолам, христианам не годится быть перед судом другого народа [Гаркавец 2003: 639].

Сегізінші — segizınçy:

8-inçy, korarbiz emdigi vaztta, ki bardir azpasylar, vartabedlar, k'ahanalar, biylar, basy ketzoyalar, ki yuz korup, u orunçy alip, da biliksizlikтан könu yaryunu egri etarlar. — В-восьмых, сейчас некоторые седовласые, проповедники, бабасы, биш, бас қожалар открыто берут взятки, мы видим что от незнания они искажают справедливость закона [Гаркавец 2003: 640].

Тоғызыншы — toguzınçy (девятый):

9-ınçy, ki yaratilgan tarbiyatimiz dayта unutuçyudur yazsyilizni köp turлу dzyzan u ten gınahından. — В-девятых, таков наш характер от рождения, мы постоянно забываем хорошее от многих грехов душевных и телесных [Гаркавец 2003: 640].

Оныншы — onınçy (десятый):

10-ınçy, zasyan ki adam yaratildi ur[du] da berdi anar Biy Tenri Ari Dzyyannin synorhk'in. — В-десятых, когда создан был человек, Всевышний Тенгри вдохнул в него жизнь, дал способность Великой души [Гаркавец 2003: 640].

Он бірінші — on birinçy (одиннадцатый):

11-birinçy, ki bilgaylar yaryusyilar Töra bitikından töyru yaryu etmaga, bilip, ki kendilari da turта ztirlar koktagi yaryusyulun alnına yaryuga. — В-одиннадцатых, пусть судьбы знают, что они сами предстанут перед судом небесного судьи, путь правильно творят суд по судебнику [Гаркавец 2003: 640].

Он екінші — он екінці (двенадцатый):

12-inçyi, kimlar ki toranin alnina kelirlar, zorzu kecyirgaylar, anin usyun ki zacyan adamilar alnina bolmaslar egrini konu etmaga, halbat, köp turlu söz bila dzyzaht etarlar yaryusyuni aldama, ne turlu bolsarlar köktagi yaryusyunun alnina turmaga, ki barçya yarpuz- larni korar, ki anin alnina kimsa aldama. (8v/163v) bila bolmas konu bolmaga, yozsa konuluk bila tergov bolsar? — В-двенадцатых, пусть приходящие перед судьей боятся, трепещут, потому, что если они, чтобы обмануть судью, используют разные лживые слова, они не смогут перед людьми показать ложь, как правду, а как они предстанут перед небесным судьей, который знает все тайны, перед которым никто не сможет оправдаться ложью, который ведет суд справедливо? [Гаркавец 2003: 640].

Жиырмасыншы — игірімзи (двадцатый):

Egar kimesa satkay balin avalbaharnn artmazi usyun cyulularnin, aninkibik cyulularni alip zoymaz kerak yerina, zayda cyulular zoyarlar, onuncyi ya igirmincyi kunga dira alarni sazlama tanizliz usyun, egar ol cyulular yebersalar roy ya yebermasalar. — Если кто-то продает весной мед, чтобы раплодить пчел, этих пчел нужно поместить в место, предназначенное для пчел, сохранить их до десятого или двадцатого дня, убедиться в том, что они выведут улей [Гаркавец 2003: 679].

В армяно-кыпчакских памятниках встречаются и числительные, обозначающие множество частей предметов и явлений, т.е. дробные числительные. Дробные числительные, будучи по составу сложными, образуются синтаксическим путем из количественных числительных. Большинство дробных чисел, встречающихся в «Судебнике», имеют форму исходного падежа либо притяжательную форму.

Үштен бірі — 3 ulusynun biri; (одна третья):

A egar k'risdan dinsizni öldursa, bu dzyzurumnun 3 ulusynun biri bolgay dzyzurumu. — А если христианин убьет неверующего, пусть будет назначен штраф в размере одной третьей части штрафа [Гаркавец 2003: 656].

Елуден бір — 50-dan 1 (одна пятидесятая):

Da oldyzadan u talan 10-uncyu berilgay zanga, a yizovlarga 50-dan 1 berilgay, zaysi ki tıra biladir. — Одна десятая часть добычи должны быть отдана хану, церквям должна быть отдана одна пятидесятая часть по закону [Гаркавец 2003: 657].

Бестен бірі — 5 ulusynun birin (одна пятая):

Dayi da bu türlü bolsun: tarlovlarnin ulusyu 5 ulusynun birin algaylar. — Поэтому, пусть будет так: пусть возьмет одну пятую от доли посевной земли [Гаркавец 2003: 657].

Оннан бірі — ondan bir (одна десятая):

A tarlovlar, zaysi ki rekalar bila suvarilirlar, bolgay kelisiyi 5-tan 1 ulusy; ol, ki suvarilmaslar, ondan bir, zera topraz yalyizdir zannin u biynin, dugul suv. — Пусть возьмут одну пятую от посевной земли, орошаемой из реки, из неорошаемой одну десятую; земля принадлежит хану и бию, но вода им не принадлежит [Гаркавец 2003: 658].

Төрттен бір — 4-uncyі ulusyun (одна четвертая):

Egar sozraytsa, ya munuzun sindirsa kuzu bila, ya zoyrusun keskay, ya ayazin azsatkay, yaryucyilar ani bazkaylar, yergasi bila bilip da igi tarazulagaylar, zaysin ki aytilgan satamalardan (118r/273r) ol, kim ki bolgi[y] edi yaman etucyі muninkibik isylardan, ol tuvarnin 4-uncyі ulusyun tılamaz kerak. — Если ослепит, или силой сломает рог, или отрезжет хвост, или сделает хромым, судьи должны это выяснить и рассмотреть, хорошо взвесить, тот, кто сделает такое плохое дело, должен заплатить четвертую часть стоимости этого животного [Гаркавец 2003: 690].

При образовании дробных числительных в кыпчакском языке параллельно использовалось слово «үлес» (доля), которое употребляется в казахском языке в значении «часть».

Заключение. В языке армяно-кыпчакского памятника «Судебник» активно функционируют количественные, порядковые, дробные числительные. Исследования формы и содержания числительных, особенно количественных, осуществлялось путем сравнения их с подобными формами в рунических памятниках и в современных тюркских языках, в т.ч. в казахском языке. При этом нет резких семантических различий числительных в армяно-кыпчакских памятниках с их историческими проформами и числительными в современных тюркских языках, отличие наблюдается в некоторых фонетических вариантах кыпчакских, огузских, карлукских и других тюркских языков.

В классе числительных, как и в целом в кыпчакском языке, отразились ментальность, мировоззрение и культура тюркских народов, в т.ч. казахского народа.

© Шаймердинова Н.Г., Жиёмбай Б.С.
Дата поступления: 23.01.2017
Дата принятия: 3.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Ғылым, 1999.
2. Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Москва: Наука, 1975.
3. Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Том I: Каталог и тексты памятников армянским письмом. Алматы: Дешт-и-Кыпчак, 2002.
4. Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Том II: Памятники духовной культуры караимов, куманов-половцев и армяно-кыпчаков. Алматы: KASEAN; БАУР, 2007.
5. Гаркавец А.Н. Төре бітігі. Армяно-кыпчакский судебник 1519—1594 гг., составители А. Гаркавец, Г. Сапарғалиев, М. Капраль, М. Цимбал. Алматы: Дешт-и-кыпчак, 2003.
6. Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. I. Москва: Издательство восточной литературы, 1960.
7. Грамматика кыпчакского языка. Рукопись № 3522. Ереван: Матенадаран, 2013. С. 226—264.
8. Грунин Т.И. Памятники половецкого языка XIV в. Москва: Наука, 1967.
9. Зуев Ю.А. Каганат Се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) // Shygys. Научный журнал. 2004. № 1. С. 11—21.
10. Еганян О.С. Об одном армяно-кыпчакском грамматическом пособии XVI в. // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 151—153.

11. *Кумекоев Б.Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Издательство «Наука», 1972.
12. *Малоев С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты исследования. Москва-Ленинград: Наука, 1951.
13. *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. Москва, 1982.
14. *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. Москва, 1957.
15. *Самойлович А.* Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования // Языковедные проблемы по числительным. Ленинград: Изд-во института литературы запада и востока, 1927. С. 135—156.
16. *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Москва: Наука, 1986.
17. *Тенишев Э.Р.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Москва: Наука, 1988.
18. *Томанов М.* Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Алматы: Мектеп, 1988.
19. *Шаймердинова Н.Г., Ярыгин С.А., Молдабай Т., Торебекова С., Жиёмбай Б.С., Толстой А.* Қыпшақтар: тарих пен тіл. Монография. Астана: «Сарыарқа» баспасы, 2014.
20. *Шаймердинова Н.Г.* Картина мира кыпчаков сквозь призму лексической и грамматической системы кыпчакского языка // Түркі дүниесі рухани мұра және бүгінгі мәдениеті. Халықаралық симпозиум материалдары. Астана, ЕҰҰ, 2014. С. 348—354.
21. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л, М, Н, П, С / Институт языкознания.* Москва: Вост. лит., 2003.

УДК: 811.19'367.627/37

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-280-292

SEMANTIC FEATURES OF NUMERALS IN THE ARMENIAN-KYPCHAKSKY MONUMENT “CODE OF LAWS” («ТӨРЕ БІТІГІ»)

Nurila G. Shaymerdinova, Bibigul S. Zhiyembay

Euroasian national university of L. N. Gumilev
Satpayev St., 2, Astana, Kazakhstan, 010000

Abstract. In article the class of numerals in an Armenian-kypchakskom a monument which language system hasn't been studied so far is considered. Comparing monument numerals with numerals of runic monuments (drevnetyursky language) and modern Turkic languages, authors of article reveal their semantic and formal features. The analysis of numerals is carried out in the context of cultural markers of the Turkic people, including the Kazakh people.

Key words: Armenian-kypchaksks monuments, kypchaksky language, numerals, quantitative, serial, fractional, semantics, comparison

REFERENCES

1. Akhinjanov, S.M. (1999). *Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan*. Edited version. Almaty: Ғылым.
2. Baskakov, N.A. (1975). *Historic-typological characteristics of the structures of Turkic languages*. Moscow: Nauka. (in Russ).
3. Garkavets, A.N. (2002). *Kipchak written heritage. Vol. I. Catalog and texts of monuments by Armenian letter*. Almaty: Desht-i-Khyrchak. (in Russ).

4. Garkavets, A.N. (2007). *Kipchak written heritage. Vol II. Monuments of spiritual culture of Karaims, Cumans, and Armenian-Kipchaks*. Almaty: KASEAN, BAUR. (in Russ).
5. Garkavets, A.N. (2003). *Toere Bitigi. Armenian-Kipchak code of law 1519—1594*. Ed. A. Garkavets, G. Sapargaliev, M. Kapral & M. Tsimbal. Almaty: Desht-i-Khyphchak. (in Russ).
6. Gordlevskii, V.A. (1960). *Selected works*. Vol. 1. Moscow: Oriental Literature Publishing House. (in Russ).
7. *Kipchak language grammar* (2013). Manuscript № 3522. Yerevan. Matenadaran. p. 226—264. (in Russ).
8. Grunin, T.I. (1967). *Monuments of Cuman language of XIV century*. Moscow: Nauka. (in Russ).
9. Zuyev, Y.A. (2004). Se-Yanto Khaganate and Cymeks (to Turkic ethnogeography of Central Asia in the middle of the 7th century). *Shygyz. Science Magazine*, 1, 11—21.
10. Yeganyan, O.S. (1962). About Armenian-Kipchak grammar textbook of XVI century. *Topics in the Study of Language*, 5, 151—153. (in Russ).
11. Kumekov, B.E. (1972). *Cymeks' state of IX—XI centuries according to Arabicsources*. Alma-Ata: Nauka Publishing House. (in Russ).
12. Malov, S.Y. (1951). *Monuments of ancient Turkic script. Research texts*. Moscow-Leningrad: Nauka. (in Russ).
13. Pletnyova, S.A. (1982). *Medievalnomads. Search of historical patterns*. Moscow. (in Russ).
14. Ramstedt, G.I. (1957). *Introduction into Altaic linguistics. Morphology*. Moscow. (in Russ).
15. Samoilovich, A. (1927). Turkish numeral sander view of its interpretation. In: *Linguistic problems in numerals*. Leningrad: Institute of Literature of the West and the East Publishing house. p. 135—156. (in Russ).
16. Serebrennikov, B.A. & Gadzhiev, N.Z. (1986). *Comparison-historic grammar of Turkic languages*. Moscow: Nauka. (in Russ).
17. Tenishev, E.R. (1988). *Comparison-historic grammar of Turkic languages*. Moscow: Nauka. (in Russ).
18. Tomanov, M. (1988). *Historic grammar of Kazakh language*. Almaty: Mecktep.
19. Shaimerdinova, N.G., Yarygin, S.A. & Zhiyembay, B.S. (2014). *Қыпшақтар: тарих пен тіл [Kipchaks: history and language]*. Monograph. Astana.
20. Shaimerdinova, N.G. (2014). Representation of the Kipchaks' world in the light of lexical and grammatical systems of Kipchak language. In: *Түркі дүниесі рухани мұра және бүгінгі мәдениеті. Халықаралық симпозиум материалдары*, Astana: ЕҰУ, p. 348—354.
21. *Etymological dictionary of Turkic languages: General Turkic and Amongst Turkic lexical basis for the letters L, M, N, P, S*. (2003). The Institute of Linguistics. Moscow: Vostochnaya literature. (in Russ).

Сведения об авторах:

Шаймердинова Нурила Габбасовна, доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, «Лучший преподаватель вуза» Республики Казахстан (2008). Имеет Нагрудной знак МОН РК «Почетный работник образования РК» (2010); *научные интересы*: текстология, семантическая интерпретация и перевод древнетюркских Орхонских текстов, функциональная и когнитивная семантика, *e-mail*: ya_nurila@enu.kz

Жиембай Бибигуль Сауровна, магистр, преподаватель кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева; *научные интересы*: актуальные проблемы современных тюркских исследований, язык армяно-кыпчакских надписей; *e-mail*: zhiembai_bibigul@mail.ru

Bio Note:

Shaymerdinova Nurila Gabbasovna, Doctor of Philology, Professor at L.N. Gumilyov Eurasian National University, *e-mail*: ya_nurila@enu.kz

Zhiyembay Bibigul Saurovna, Master in Philology, Lecturer at L.N. Gumilyov Eurasian National University; *e-mail*: zhiembai_bibigul@mail.ru